

Исторический
роман-бестселлер

JOANNA HICKSON
The Agincourt Bride

ДЖОАННА ХИКСОН

*Принцесса
Екатерина Валуа*

Откровения кормилицы

Москва 2015

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Х44

Joanna Hickson
THE AGINCOURT BRIDE

Copyright © Joanna Hickson, 2013
Originally published in the English language by HarperCollins
Publishers Ltd. under the title *The Agincourt Bride*

Перевод с английского *Лианы Шаутидзе*
Художественное оформление *Дмитрия Сазонова*

Хиксон, Джоанна.

Х44 Принцесса Екатерина Валуа. Откровения кормилицы /
Джоанна Хиксон ; [пер. с англ. Л. Шаутидзе]. — Москва :
Эксмо, 2015. — 512 с. — (Исторический роман-бестселлер).

ISBN 978-5-699-79253-5

Дочь пекаря Гильометта Дюпен становится кормилицей ребенка безумного короля Карла VI — принцессы Екатерины Валуа. В одночасье превратившись из простой горожанки в придворную даму, Гильометта вынуждена день за днем отстаивать свое место во дворце. Она будет главным другом принцессы и останется при ней даже после брака Екатерины с английским королем. Но переломным событием в их жизни окажется знакомство Екатерины с музыкантом Оуэном Тюдором. Эта любовь положит начало одной из величайших королевских династий Европы.

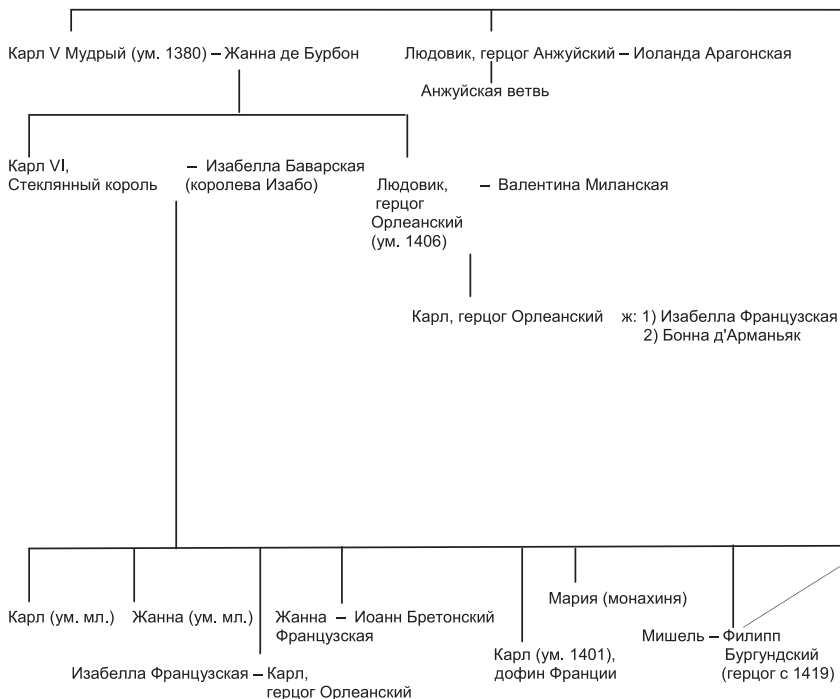
УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

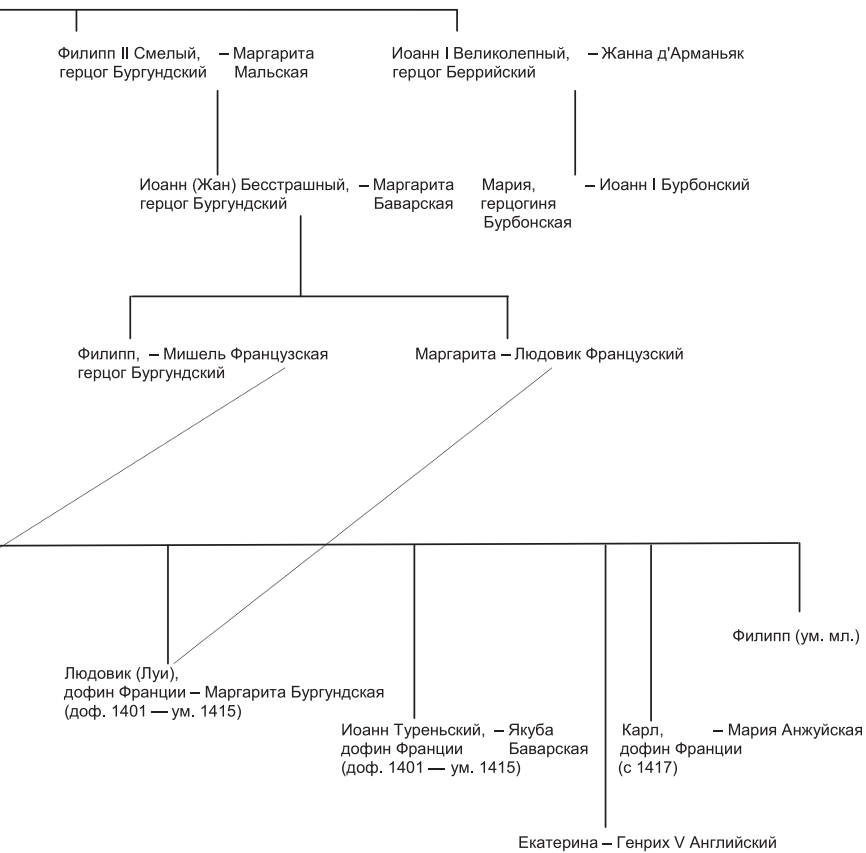
ISBN 978-5-699-79253-5

© Шаутидзе Л., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

*Для Иена и Барли —
спасибо за то, что вы есть
в моей жизни.*

Генеалогическое древо дома Валуа

Так предначертано на небесах, что мне и моим наследникам
предстоит править Францией, а вашим — править Англией.
Наши народы никогда не станут жить в мире.
Причина тому — вы и Генрих.

Карл, дофин Франции

ПРЕДИСЛОВИЕ

Январь 1439 года

Любезный читатель!

Прежде чем мы с вами пустимся по волнам повествования, думаю, следует пояснить, что я вовсе никакой не ученый, не летописец и не составитель исторических хроник. Я даже латыни не знала, пока дражайший мой нынешний супруг не принялся учить меня — темными зимними вечерами, у камина в нашем лондонском доме, когда послушная долгу хозяйка занималась бы штопкой. К счастью, дни моего послушания долгу давно миновали. Мне исполнилось пятьдесят два года, и за свою жизнь я достаточно и наштопалась, и настиралась, и набегалась по звонку колокольчика. Я побывала и служанкой, и придворной дамой, а теперь, не являясь ни тем, ни другим, взялась за перо, горя желанием изложить достоверную историю прекрасной и отважной принцессы, мечтавшей о невозможном — о счастье. Разумеется, в самом начале повести я не стану сообщать вам, сбылась ли ее мечта, но поверьте, что этому грозили воспрепятствовать многие судьбоносные события, скандальные интриги и чудовищные козни.

К написанию книги меня побудили два обстоятельства: во-первых, упомянутые выше уроки латыни, а во-вторых — письма, которые я прочла вследствие этих уроков. Воспользовавшись ключом, доверенным мне на хранение моей возлюбленной госпожой, я обнаружила в подарке, отошедшем мне по завещанию после ее безвременной кончины, тайник с бумагами — личные послания, написанные в беспокойные времена ее жизни, но так и не отправленные адресатам. Они заполнили пробелы в моих знаниях и пролили свет как на характер принцессы, так и на причины, в разное время побуждавшие ее выбирать пути, которым она следовала.

К сожалению, как она ни старалась, принцесса не в силах была повлиять на течение собственной жизни. Лишь в одном или двух случаях ей — как и мне, при необычайных обстоятельствах — удалось изменить ход событий в направлении, благоприятном для нас обеих, хотя исторические хроники об этом умалчивают.

Впрочем, я и вовсе не стала бы тратить время на чтение хроник. Составители их, неизменно имея скрытые мотивы, освещают события односторонне, и даже с учетом этого нельзя поручиться, что история изложена достоверно. Некоторые хронисты ничем не лучше тех бумагомарателей, что расклеивают памфлеты по стенам собора Святого Павла. Представьте, один из них, составляя список компаньонов моей госпожи в

дни доброго короля Генриха, назвал меня Гилемот!¹ Только женоненавистник, не видящий дальше своего носа, мог обозначить женщину тем же именем, что и уродливую черную птицу! Но вот оно — намарано несмываемыми чернилами и таким, вероятно, войдет в историю. Прошу вас, любезный читатель, не попадайтесь на удочку, веря всему, что писано в хрониках, ибо имя мое не Гилемот. А каково оно, вы откроете для себя в повествовании, к которому я приступаю...

---

¹ Guillemot (англ.) — птица чистик. (Здесь и далее примечания переводчика.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Париж, дворец Сен-Поль
Двор Безумного короля
1401—1405 годы*

1

Ее рождение было великолепно.

О родах, роскошных, блистающих золотом и утопающих в лебяжьем пуху, говорили в Париже на всех перекрестках. Впрочем, образ жизни королевы Изабо всегда обсуждался и осуждался на каждом парижском рынке: ее сказочно прекрасные платья, сверкающие драгоценности и пышные балы, а более прочего — тот факт, что она редко за это платила. В фонтане сплетен звучало неодобрение ее безмерной расточительности. Парижане не сомневались, что рождение десятого ребенка, как и появление на свет других королевских отпрысков, будет усыпано великолепными украшениями и освещено золотыми канделябрами, а финансирование ляжет на плечи простого люда. Французская знать и члены королевской семьи тратили целые состояния на роскошные наряды и изысканные безделушки, но частенько не платили по счетам мясников или пекарей, отчего купцы и

ремесленники Парижа порой голодали. Недовольство в городе усиливалось, однако королеве до этого дела не было.

Что касается меня, то, услышав подробности королевских родов, я и не подумала завидовать. Никто не отказался бы от золоченой кровати, но какая роженица захочет находиться в окружении оравы закутанных в меха назойливых бородатых вельмож, которые с любопытством перешептываются, переглядываются и обсуждают каждый твой стон и всхлип? За примечательным исключением короля, в опочивальне королевы собралась чуть ли не половина двора: и главный распорядитель дворца, и канцлер казначейства, и целая толпа баронов и епископов. Присутствовали все фрейлины королевы и — по каким-то мудреным причинам — представители судебной палаты, тайного совета и даже университета. Уж не знаю, что чувствовала при этом королева, но бедному новорожденному наверняка почудилось, что он появился на свет посреди людного рынка.

Пуховая перина, на которой родился малыш, стала для него первым и последним прикосновением роскоши — как и материнских рук. Уж я-то могу за это поручиться. За четырнадцать лет брака с королем Франции Карлом Шестым из королевы Изабеллы выскочили, как горошины из стручка, четыре мальчика и пять девочек. Не больше горошины был и ее к ним материнский интерес. Она вряд ли знала, кто из детей выжил.

Как только вельможи убедились, что новый член королевского семейства действительно появился на свет из королевской утробы, и с сожалением отметили, что это очередная девочка, бедную крошку отнесли в детскую,

где туго перевязали ее тельце узкими полосками ткани, так называемым свивальником. Поэтому, когда я впервые, растерянно хлопая глазами, уставилась на нее, она напоминала орущий тугой сверток.

Я не сразу ее полюбила. Но кто мог бы меня винить? Мне предъявили это горластое создание всего лишь через несколько часов после того, как умер мой собственный ребенок. А я даже не успела взять его на руки...

— Храбрись, малышка, — хриплым от горя голосом сказала мне матушка, заворачивая посиневшее тельце моего первенца в льняную салфетку. — Побереги слезы для живых, а любовь — для милостивого бога.

Однако я не в силах была последовать ее благонамеренному совету. Мой мир превратился в темный и бесформенный ад, я задыхалась и захлебывалась от рыданий. Правду сказать, плакала я не столько по мертвому сыну, сколько по себе самой, охваченная чувством вины и ненависти к себе, убежденная, что мое существование бессмысленно, раз я не сумела произвести на свет живого ребенка. В моем горе, да простит меня господь, я забыла, что лишь он, наш отец небесный, волен даровать жизнь и забирать ее. Мои руки жаждали ощутить бремя моего живота. Пустота заливала меня, словно Сена в половодье. Затем, в положенное время, потекло и молоко — бесполезные струйки пропитывали сорочку, отчего ткань противно липла к болезненно распухшим соскам. Матушка попыталась перевязать мне груди лоскутами, чтобы остановить молоко, но стало больно, как от адава огня, и я ее оттолкнула. Поэтому и вышло так, что вся моя жизнь переменялась.

Однако я забегая вперед.

Должна признаться, что мой первенец явился результатом моей неосторожности. Мы все совершаем ошибки, так ведь? Я не распутница какая, не думайте. Я просто влюбилась в красивого и веселого парня и пустила его к себе под юбку. Он не принуждал меня, вовсе нет. Жан-Мишель служил младшим конюхом при дворцовой конюшне, и я не меньше его наслаждалась нашими играми на сеновале. Священники постоянно твердят о плотском грехе и вечных проклятьях, но разве понимают они, каково это — быть молодым и жить одним днем?

Красотой я никогда не отличалась, не стану обманывать, и все же в четырнадцать лет я выглядела неплохо: розовощекая шатенка, озорство в глазах... Немного пухленькая — сдобная, как говорил мой отец, — но ведь это многим мужчинам нравится, особенно если они такие сильные и мускулистые, как мой Жан-Мишель. Когда мы вместе падали в сено, он не боялся, что я под ним сломаюсь. Я же, не думая ни о чем, упивалась его бархатным голосом, мерцанием темных глаз и жаркими, будоражащими поцелуями.

Обыкновенно я бегала к нему по вечерам, в то время как мои родители вытаскивали из печи пироги. Позже, когда крики о моем «греховном блюде» в доме поутихли, Жан-Мишель пошутил, что пока они доставали свои пироги, он поставил в печь свой!

Должна пояснить, что я дочка пекаря. Зовут меня Гильометта Дюпен. Да, фамилия означает «хлеб». Я родом от хлеба — и что с того? Вообще-то, мой отец был не только пекарем, но и кондитером — он делал пирожные, вафли и красивые золоченые марципаны. Наша пекарня находилась в центре Парижа, в конце мощеной